

ГЛАВА 1

JOHN PAUL YOUNG — LOVE IS IN THE AIR

Эмили

Будь у вас шанс познакомиться с самой счастливой девушкой во Вселенной, вы бы им воспользовались?

Если вы ответили «да», то будем знакомы.

Меня зовут Эмили Фишер, и моя жизнь прекрасна!

Сегодня День святого Валентина. Заснеженные улицы Нью-Йорка насквозь пропитаны любовью, витающей повсюду. Витрины магазинов украшены белыми бумажными ангелочками, красными светящимися сердцами и гирляндами из разноцветных мигающих лампочек. Из окон небоскреба на Таймсквер, где я сейчас нахожусь, открывается прекрасный вид на все бутики, в которые то и дело в приступе паники забегают жители города, пытаясь в последний момент прикупить подарки своим любимым.

Праздничная суматоха несколько не раздражает меня, потому что сегодня особенный день. Именно поэтому я с широкой улыбкой на губах наблюдаю за тем, как мужчины сметают цветы с прилавков, ведь я уверена, что этот День святого Валентина запомнится мне на всю жизнь!

Почему?

О, устраивайтесь поудобнее, сейчас расскажу.

Только что я закончила складывать в коробку вещи со своего стола в отделе спортивной аналитики телеканала ESPN, где я на протяжении полугода про-

ходила стажировку в качестве помощника хоккейного аналитика. Неделю назад мне сообщили, что я получила должность помощника администратора клуба, так что послезавтра я выхожу на новую работу в хоккейном клубе «Ракеты Нью-Йорка».

Неплохо для выпускницы колледжа?

Мне двадцать три, и я мечтала стать частью «Ракет» столько, сколько себя помню. Каждый раз, когда я наблюдала за тем, с какой скоростью скользят по льду игроки, время останавливалось. Я могла смотреть хоккеем часами... нет, днями!

Мой отец был форвардом «Ракет Нью-Йорка», а мы с мамой являлись его самыми преданными фанатами и посещали каждую игру. «Ракеты» — первый и единственный клуб отца с самого драфта. Он играл за него целое десятилетие.

Дэйв Фишер был выдающимся хоккеистом. Человеком. Мужем. Отцом. С его смерти прошло уже много лет. Но с каждым днем я скучаю по нему еще сильнее. И я уверена, что в целом мире нет ни одного человека, который не скучал бы.

После смерти родителей я переехала к бабушке в Колорадо. А после окончания школы решила пойти по стопам отца. Именно так я оказалась здесь, в Нью-Йорке. И уже через несколько дней я буду там, где провел столько лет мой отец. В «Ракетах».

Он бы гордился мной сейчас.

И хотелось бы мне сказать, что моя новая должность — это самая лучшая новость, но это еще не все!

Пару дней назад я обнаружила в комодке своего парня заветную голубую коробочку «Тиффани». А вчера Брайан тонко намекнул, что сегодняшний вечер будет особенным! Наверняка он собирается сделать мне предложение.

Как вам мой визг? Уверена, его слышно даже на Точке Немо!¹

— Ты что, даже не останешься на корпоратив? — спрашивает меня подруга Ванесса, сидящая на углу моего пустого стола, пока я надеваю пальто.

— Не могу, Ван. — Перекинув волосы через плечо, завязываю пояс и беру в руки коробку с канцелярскими принадлежностями.

— А я буду подружкой невесты? — наклонив голову, интересуется подруга.

Мои губы растягиваются в широкой улыбке.

— А с чего ты решила, что я соглашусь выйти за него?

Ванесса звонко смеется, поправляя свои темные волнистые локоны, и, поджав губы, выдает:

— Действительно. Или, может, там вообще не кольцо, а серьги. Или пирсинг для твоего пупка.

Я замираю с коробкой в руках и, усмехнувшись, смотрю в карие глаза подруги.

— И зачем тогда он стал бы говорить мне об особенном вечере? Что такого особенного в моем пупке?

Ван смеется и спрыгивает со стола, чтобы обнять меня.

— Позвони мне вечером, ладно?

— Конечно, — выдыхаю я, прекрасно осознавая, что в противном случае она сама начнет названивать мне в ночи. — Будь паинькой в Колорадо, ладно?

— Паинькой? — Ван издает смешок. — Ты меня с кем-то путаешь.

Ванесса Льюис — самый сумасшедший человек, которого я только знаю. Мы знакомы с детства. Наши дома находились по соседству, и мы проводи-

¹ Точка Немо — наиболее удаленная от какой-либо суши на Земле точка.

ли вместе много времени. В тринадцать она сделала первую татуировку, в шестнадцать укатила в Техас с очень горячим, по словам Ван, тридцатипятилетним байкером, в восемнадцать ее чуть не исключили из школы за то, что она совратила преподавателя, а в двадцать один по дороге в колледж, где она училась на медсестру, Ван свернула не туда и оказалась в Нью-Йорке.

Она не прогадала. Сейчас Ванесса руководит HR-отделом ESPN, и я удивлена, что она все еще не начала меня шантажировать, чтобы я осталась, ведь теперь наш спортивный аналитик и по совместительству ее парень — хотя таковым его сложно назвать, ведь ему сорок два — останется без помощника, а Ван придется потрудиться, чтобы найти мне замену в конце хоккейного сезона.

И я благодарна этой эксцентричной женщине за то, что она отпустила меня в свободное плавание.

Смотрю на нее и улыбаюсь.

Внешний вид Ван полностью отражает ее сумасшедший внутренний мир: в темных кудрявых волосах проглядывают красные, фиолетовые и кислотно-желтые прядки, в носу блестит маленькое колечко, а правое ухо едва ли не перевешивает ее саму, учитывая количество сережек в нем и вес Ванессы, едва достигающий сорока пяти килограммов. В одежде она придерживается мрачных оттенков: черный, бургунди, марсала, изумруд. Сейчас на ней полупрозрачная водолазка темно-серого цвета, черные джинсы с шипами на карманах и кожаные сапоги с металлическими заклепками. Макияж же очень отличается от мрачности гардероба: на веках розовые тени, длинные ресницы покрашены яркой фиолетовой тушью, а на губах карандаш малинового оттенка.

Сумасшедшая, говорю же.

Но несмотря на всю ее взбалмошность, Ванесса — мой самый верный друг, и я уверена, что она любого порвет за меня. Буквально. Если будет нужно, она с удовольствием оторвет моим обидчикам яйца, выколет им шпилькой глаза или просто сожжет их на ритуальном костре.

Хотя не могу сказать, что у меня много хейтеров. Ведь всем известно, что я самый настоящий единорожка в мире грез. Как может быть иначе, когда ты проживаешь каждый день с благодарностью за все, что происходит?

— Пообещай хотя бы не уезжать с каким-нибудь наркоторговцем в Мексику. — Отстраняюсь от подруги и показываю на нее пальцем. — А то тебе еще свадьбу мне устраивать.

— Ха! Я так и знала! — визжит Ванесса и снова притягивает меня в объятия. — Я так за тебя рада, Эм!

— И я, — глупо улыбаюсь я. — Кажется, я ждала этого всю жизнь. Кстати, а где Дафна?

— Она взяла отгул.

— Странно. Даф ничего не упоминала об этом, когда мы разговаривали с ней вчера вечером.

С Дафной я познакомилась, будучи студенткой колледжа. Она училась на спортивной журналистике, но мы иногда посещали вместе потоковые лекции. Даф была самой тихой, скромной и милой девчонкой колледжа. Большие голубые глаза, светлые волосы и идеальная фигура. Парни сходили по ней с ума, а девушки завидовали ее внешности ангела, но ей не было до этого никакого дела. Очень замкнутая, верующая, она не гналась за популярностью. После переезда из Колорадо я никого здесь не знала и как-то пригласила ее выпить кофе после пар. Так мы — я, Дафна и очутившаяся в Нью-Йорке по загадочным причинам Ванесса — стали общаться.

Дафна никогда не будет мне ближе Ванессы. Мы редко обсуждаем какие-то личные темы или даем друг другу советы. Но я всегда рада ее компании, поэтому я удивлена, что сейчас она не провожает меня в добрый путь. С другой стороны, она ведь и не должна. Мы увидимся и вне работы, когда соберемся за субботним ланчем.

— Не забудь мне позвонить! — приказывает Ван, когда мы еще раз крепко обнимаемся.

— Не забуду. — Закатываю глаза и покидаю офис.

Я отпросилась сегодня пораньше, чтобы вернуться домой до того, как приедет с корпоратива мой будущий муж, поэтому вылетаю из офиса полная предвкушения счастливого будущего.

Когда я выхожу из здания, мне в лицо сразу же ударяет морозный зимний ветер. Маленькие снежинки летят с ясного неба, пока яркое солнце, сияющее на нем, заставляет меня зажмуриться. Делаю глубокий вдох и вливаюсь в толпу спешащих куда-то людей. У большинства из них в руках большие букеты роз, гелиевые шары и подарочные пакеты. Все они несутся к перекрестку, к которому направляюсь и я.

Вижу одинокое желтое такси и запрыгиваю на заднее сиденье. В салоне звучит мелодичная джазовая музыка, пока мимо проносится оживленный Нью-Йорк, которым я люблю с улыбкой на губах, осознавая, что машина везет меня навстречу мечте.

Тридцать минут спустя я расплачиваюсь с водителем и выхожу из такси. Нелепая улыбка все еще не сходит с моих губ, пока я спешу по укрытому снегом тротуару к нашему жилкому комплексу, зеркальный фасад которого радужно переливается в свете солнечных лучей. Когда я подхожу к центральному входу, то вижу улыбающегося мне швейцара.

— Счастливого Дня всех влюбленных, Эмили! — приветствует меня он.

— И вам, Роджер! — вежливо отвечаю я. — Передавайте привет Мэри!

Швейцар открывает передо мной входную дверь, украшенную пушистым красным сердцем с белым бантом, и я оказываюсь в просторном холле, по центру которого установили громадное дерево с красными, розовыми и белыми лампочками. Прохожу прямо в коридор, ведущий к лифтам, который заполнен множеством светящихся фигур в форме ангелов, и вызываю лифт. Из динамиков звучит *Love is in the air*, и я, напевая себе под нос знакомые слова, захожу в кабину и нажимаю кнопку нужного этажа. Когда спустя несколько секунд он останавливается, одной рукой удерживая коробку, я начинаю другой искать в кармане ключ-карту. Выхожу из лифта и прохожу по коридору, продолжая петь песню Джона Пола Янга, а затем вставляю карту в замок и тяну дверь на себя.

— Вот так, детка... Да-а-а... Черт, как хорошо!

Коробка падает на пол.

Все мои вещи разлетаются по темному паркету.

Перед глазами все плывет.

Сердце делает громкое бум.

Затем пропускает удар.

И снова бум.

Бум.

Бум...

ГЛАВА 2

FRIDAY PILOTS CLUB — BREAKING MY BONES

Эмили

О да, сегодняшнее четырнадцатое февраля я запомню на всю жизнь!

Как один из самых худших дней моей жизни!

В одночасье я поняла, что моя идеальная жизнь лишь иллюзия, которая только что разбилась на тысячи осколков. И такое впечатление, что эти осколки внутри моего организма разлетелись по всем органам. Такую боль я сейчас ощущаю повсюду.

Почему?

О, да просто потому, что член моего предполагаемого жениха сейчас почему-то находится внутри хорошо мне знакомой и, как оказалось, невероятно лживой блондинки.

Вот это сюрприз, правда?

Брайан поворачивается на скрип открывшейся двери, и его синие глаза распаиваются от ужаса.

— Эмили, это не то, чем кажется! — восклицает он, отпрыгнув от девушки и пытаясь прикрыть свой стояк.

Интересная реплика. Не будь я по уши в него влюблена, обязательно бы сейчас поинтересовалась, чем же, по его мнению, все происходящее мне кажется.

Устало прикрываю веки, когда замечаю, что у него, конечно же, не получается спрятать свой эрегированный член, после чего коротко выдыхаю, пы-

таясь игнорировать шум в голове и спазмы в груди, но все-таки издаю стон от осознания, что на Брайане нет презерватива. Зажмуриваюсь еще сильнее и мысленно посылаю сигналы в чистилище, чтобы сам дьявол показал ему все круги ада, ведь я только что поняла — есть вероятность, что я стала обладателем какой-нибудь гонореи или даже сифилиса, учитывая, что я принимаю таблетки и мы с Брайаном давно не пользовались резинками.

Боже, почему я?

Нет, ну в самом деле, почему?

У меня ведь были большие планы на свою дальнейшую жизнь! Жизнь с Брайаном! Я уже тысячу раз прокрутила в голове, как красиво будет смотреться на моем пальце кольцо с россыпью бриллиантов. Перед зеркалом отрепетировала, как буду удивленно восклицать «О боже!» и «Да, конечно да, Брайан!». Да я даже имя свое с его фамилией не единожды повторила вслух!

Так какого же черта происходит?!

Брайан что-то говорит, но я не слышу. Его голос звучит приглушенно, будто мы находимся на разных континентах.

Когда я распахиваю глаза, его образ расплывается из-за слез, подступивших к горлу. Немного поворачиваю голову и шумно выдыхаю, заставляя себя сдерживать рвущиеся наружу рыдания, ведь мне придется пережить предательство не только своего парня, но и подруги.

О да, сюрприз номер два: девушка, стоящая на четвереньках на нашем кожаном диване цвета мокко, который мы вместе выбирали, когда Брайан предложил съехаться, — моя подруга Дафна.

Кажется, ее совершенно не заботит происходящее. Она прикрывается простыней и хлопает свои-

